

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ МЕЖДУ КОНТИНЕНТАМИ

Бирюков С.Е.

Университет имени Мартина Лютера, Халле, Германия

sibirjukov@googlemail.com

Мы живем в одно из самых интересных поэтических времен. Вокруг то и дело возникают необычные поэтические проекты, выходят удивительные книги.

Например, пять лет назад вышла весьма необычная книга известного поэта и прозаика Вадима Месяца – «Норумбега головы предков». В книге соседствовали стихи; поэтическая, исследовательская и мемуарная проза. Всё это вместе создавало в формальном смысле гипертекст, а в сверхсмысловом некую новую утопию, которая была обозначена в предисловии к книге Андреем Тавровым. Еще в одном предисловии, уже академик Вячеслав Всеволодович Иванов говорил о новом барокко и особом поэтическом проникновении... Целый ряд тонких замечаний сделал в статье «Из сердца языка», посвященной книге, выдающийся поэт и поэтолог Юрий Казарин. Он писал: «В месяц создал книгу необычную, новую, странную, страшную, темную и светлую одновременно, мощную, красивую и, видимо, бесконечную, ждущую своего продолжения, как ждет подзорная труба своего раздвижения, удлинения для того, чтобы увидеть дальше, глубже и выше». «Норумбега» – стереоскопична, и оба окуляра этого текстового телескопа – увеличительны и уменьшительны одновременно: один смотрит вниз, другой – вверх. В стерео оптике книги – глаза поэзии, стянувшие взором своим в единое целое две тверди – земную и небесную» [«Урал», №8, 2012].

Сам Вадим Месяц говорит о книге так: «“Норумбега”, на мой взгляд, очень русская книга. Просто русскость, не ограничиваясь одним лишь евразийством, пытается опираться на весь индоевропейский контекст. Отсюда: кельтские сказания, скандинавские саги, индийские веды. Это же родные русскому человеку вещи. Отчасти эта книжка о «варварстве». Так что я продолжаю «скифскую» линию нашей словесности. Мне действительно хотелось сделать так, чтобы поэзия была религиозной практикой...».

То есть здесь применен известный принцип «всемирной отзывчивости», традиционно помноженный на русское мессианство. Вышедшие чуть позже две книги эссеистики, манифестной и критической прозы «Поэзия действия: опыт преодоления литературы» (2011) и «Второй концерт Рахманинова, как национальная идея» (2013) обосновывали нестандартную программу писателя, которая подтверждается практическими действиями: собственными книгами, выступлениями, издательской деятельностью. Вадим Месяц – автор многосоставного, разветвленного проекта, в котором, однако, каждая составная часть вбирает в себя какие-то важные элементы других частей. В частности, в период работы над поэтическим созданием евразийской мифологии, Месяц практически отказывается от так называемого самовыражения в пользу объективного письма. Будучи сибиряком по рождению и возрастанию, Вадим Месяц наследует напрямую сибирские поэтические традиции. В первую очередь это творчество Павла Васильева, Сергея Маркова и Леонида Мартынова. Для всех троих было характерно обращение к экзотическому материалу, активное поэтическое освоение евразийского пространства. По крайней мере двое – Павел Васильев и Леонид Мартынов – ориентировались на поэтику авангарда, хотя и в смягченном виде. Но, безусловно, можно проследить авангардистские ходы, идущие от Хлебникова Маяковского, Василия Каменского и Есенина, для которых народный пласт культуры был чрезвычайно важен, именно российской (шире – евразийской) культуры, с ее разнообразной мифологией.

Вадим Месяц – один из немногих в современной поэзии, кто оказывается подключенным к этой традиции в ее множественных проявлениях. Это и обращение к мифу, это и органическое усвоение русской песенной и вообще устной традиции, вплоть до прямой передачи в чтении и распеве. При этом на его сибирский и уральский поэтический опыт накладывается еще и опыт американский. А этот опыт тоже весьма разнообразен и включает, в том числе поэзию коренных народов Америки, к которой у Месяца явное тяготение. Вполне

возможно, что он и на скандинавскую традицию вышел через индейскую мифопоэтическую традицию, подобно тому как Лонгфелло писал «Песнь о Гайавате» как индейскую «Эдду», в то же время ориентируясь на ритмо-мелодический строй карело-финского эпоса «Калевала». Кстати, надо еще посмотреть хорошенько влияние на русских поэтов блистательного перевода «Песни» Иваном Буниным (впервые напечатан в Орле в 1896 г., в Петербурге в 1903 г.).

Таким образом, я подбираюсь к новой книге Вадима Месяца «Мифы о Хельвиге» (М.: Рипол классик, 2016).

В отличие от «Норумбега» новая книга целиком стихотворная. Она предварена небольшим емким авторским предисловием, каждый фрагмент которого просится в цитату. Например, к сказанному мною выше о наследовании и подключённости к традиции вот эта концовка предисловия:

- «И снова скальд чужую песню сложит и, как свою ее произнесет».
- «Да, скифы – мы».
- «Громи их рай, Агтила».
- «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана» и т.д.

Практики, давно знакомые русской культуре, но используемые иначе. Или чуть выше Месяц говорит: «Латинская поэзия создана, варварская – нет, и это, возможно, связано с другим подходом к языку. Отсутствие письменности у некоторых племен говорит скорее о большей разборчивости в слове: молитва и газета, небесный и земной алфавиты. Кельтика, германо-скандинавские саги, славянские былины, фольклор Сибири и Северной Америки могут служить источником для этой работы».

Задача, прямо скажем, фантастическая, утопическая, ирреальная, сновидческая... Можно долго еще искать определения этой задачи. Но главным, пожалуй, будет определение того направления, которое открывает Вадим Месяц. Я бы решился назвать это направление неомодерном. Но, разумеется, этот неомодерн осложнен всем, о чем я уже говорил выше, плюс собственная творческая манера Месяца с его устремлением к разнообразию поэтической формы.